

Убейте эту женщину!

Пьеса для актрисы и мультимедии

Майя Праматарова

Я признательна Светлане Атанасовой,
оживившей роль Ады
на болгарском языке в Бостоне

На авансцене стоит небольшая ширма-экран, на которую проецируется афиша спектакля «Убейте эту женщину!», а также название театра, имена драматурга, режиссера, исполнительницы роли Ады, мультимедийного художника, художника по костюмам, композитора, и других. Босая женщина Ада входит в зрительный зал через дверь сбоку или сзади, громко разговаривая по телефону.

Да, спасибо, да, действительно – особый день, самый-самый!.. Розы? Получила, еще вчера... (Смеется.) Я предпочитаю хризантемы – женственные, они навевают покой... Ты помнишь, какой грандиозный букет Адамов подарил мне на сороколетие? А я ему цитату: «Зачем такие дорогие подарки?» ... Да нет, торт печь не буду. Купила... (Смеется.) Зажгу лампочки. Свечей не напасешься – да мне их и не задуть...

Ада поднимается на сцену, кладет трубку.

Слова, слова... О, сколько слов! Мы все пытаемся увидеть свое отражение в другом человеке ... Скажем слово – и тут же впиваемся в него взглядом... Будто можно что-то увидеть... Я и в зеркале-то ничего не вижу... Сколько ни вглядываюсь – ничего не вижу... Только мелкие детали... Главное от меня ускользает... (Смотрит в зал.) «Эй! Ты кто?»

На меня смотрит чужое лицо с остекленевшим взглядом... Чужие лица, чужие образы, чужие слова, подчеркнутые в копиях пьес, вытесняют мои мысли.

Ада отодвигает ширму-экран. На большом экране на заднике сцены мазками возникает изображение комнаты, которая становится продолжением сценической коробки. В стене этой виртуальной комнаты появляется большое окно, используемое по ходу спектакля как экран в экране (далее в тексте называемый задний экран). Изображение афиши спектакля переходит на задний экран.

Я разучилась говорить своими словами. Может когда-то и умела, но потеряла вместе с другими не востребуемыми рефлексамми... Стоит глянуть на отражение – и тут же что-то бросается в глаза... Что это за родинка? Хм-м. А это темное пятно?

2.

На заднем экране появляются живые губы, в точности повторяющие движение губ Ады.

Ма-мо-ми-ме-му... Ссссссссс, сссуета сссует, сссудьба, ссуда, сссекс, ссстрасть... Нельзя терять форму. Нужно сосредоточиться. Ада развлекается, играя с изображением губ, произнеся звуки.

Ма-мо-ми-ме-му... Ссссссссс, сссуета сссует, сссудьба, ссуда, сссекс, ссстрасть, ссссмерть...Басста!

Благодарю вас, господин директор, за этот урок! (*Пауза.*) Плотно закрытые двери. Безлюдные коридоры. Красные дорожки... Я тщательно изучаю мельчайшие детали «глубокоуважаемого шкафа» из царского дворца. (*Пауза.*) Рассматриваю обои. Путешествую в лабиринте орнамента... Директор приглашает меня в кабинет... И – прямо с порога: как ему трудно живется, особенно после смерти жены, как отвратительно кормят в столовых, и ни слова о новой пьесе... Дадут мне эту роль?! «Да» или «нет»? Молчит... (*Губы останавливаются.*) Понятно -- в театре и у обоев есть уши...

Невидимая рука наносит губную помаду на губы, делая их ярко красными.

Накрыть бы стол..., но готовлю я из рук вон плохо, да и революция полностью освободила меня от кулинарных амбиций. Я ведь не фокусник, чтобы делать из одного яйца два!

Как-то в полночь раздался настойчивый звонок в дверь... «Бэйби», с тех пор ставшая «великой» актрисой, привела нового кавалера. Дело житейское, но в холодильнике – соленые огурцы и водка для компрессов... Бабушкин рецепт... Папа однажды привез ей редкую водку – бутылка так и осталась неоткупоренной.

3.

Ада достает из ящичков много пар обуви, располагает обувь на авансцене. Надевает туфли. Громко звучит кубинская музыка времени отца Ады...

На пятидесятилетии папы я танцевала всю ночь. Лампы, фонари, гирлянды... на деревьях, на цистерне для воды. Тогда неделями отключали воду. Папа развеселился. «Ты, конечно ничего! Но кубинки... Знал я одну в Гаване... Несла неподъемные кошельки, увидела музыкальный автомат на улице, бросила сумки, опустила в щель монету и давай танцевать... – самба, румба, ча-ча-ча... Музыка кончилась, и дальше я понес ее кошельки...»

Папа коллекционировал водку. Ему возили водку со всего света. Кто бы куда ни ехал – привозил ему бутылку... Когда у него отобрали министерство, он выстроил из этих бутылок высоченную пирамиду. Сфотографировал ее со всех сторон и прикончил в три дня. «Делу время, потехе час. Мы жили в тюрьме, но давали жизни! Самба, румба ча-ча-ча. Пора браться за дело!».

Пауза

Всегда мечтала иметь твои глаза, папа! Синие, бездонные... Ребенком я просыпалась с мыслью, что во сне мои глаза изменились – ведь я родилась с синими глазами, так почему бы им снова не стать синими... Мечта стать тобой, поступать как

ты, уметь продумывать каждое слово и каждый жест, всегда понимать, как выглядишь в глазах окружающих...

4.

Смотрит на задний экран. Там изображается окно, за которым в небе сгущаются тучи.

Упали барьеры... Я уехала... Я ушла из театра, чтобы увидеть своими глазами – что там, по ту сторону сцены... Я стала персонажем собственной жизни. Кто-то свыше распределил меня на роль матери. Театр возвращался только по праздникам – маски, костюмы, реквизит, освещение... лампочки. Гирлянды лампочек на деревьях, на земле – лампочки, как театральная рампа, очерчивали территорию вокруг дома...

Дрожит от холода.

Эти кондиционеры невыносимы. Гудят, и мне постоянно холодно... в кино, в магазинах все время дрожу от холода... Раньше мне даже танцы под дождем сходили с рук, а теперь хвораю от каждого пустяка. От одной мысли о дожде у меня начинает болеть голова... Здесь, на берегу океана, ужасные бури... Чтобы было не так страшно, я представляю себе, что это театральная бутафория... Занимаюсь самовнушением. Адамов смеется... Он ведь живет в своем персональном пространстве...

Звонит телефон.

Алло! Да... Как раз думала о тебе. Я только что тебя набирала... Хорошо, что ты позвонил... Ожидание возвращает меня на двадцать лет назад. Когда я не сводила с телефона глаз, внушала себе, что ты непременно позвонишь... Будто телефон мог сам заговорить...

Ничем не занимаюсь... Два часа болтала по телефону... Звонила Лида. Ей назначили терапию... *(Пауза.)* Алло! Алло! Я тебя не слышу!.. Ты должен идти? В чем дело? Нет, нет... подожди... Значит...

Ее лицо застывает.

Я никогда тебе не врала. А если случалось, значит, врала самой себе...

Да, звонили... Они еще в пути... Не волнуйся. Они прекрасно справляются и без нас... Да мы недолго говорили...

Да, ты прав. Я тебя слушаю...

Со мной все в порядке. Ты прав... Ничего особенного не произошло. *(Кладет трубку.)*

Ничего особенного, кроме того, что мне впервые стукнуло пятьдесят! К этому событию я оказалась не готова, но к фильму о Назимовой была абсолютно готова. Они остановили съемку. Кому-то из начальства не понравился режиссер. Это озадачило бухгалтерию... Им нужно было свести дебет с кредитом – оправдать выплаченные гонорары, использованную пленку, бог весть что еще – а фильма-то нет. Кому они только не предлагали слепить что-нибудь на скорую руку из отснятого материала, но все отказывались. Согласился лишь Адамов. Сменил весь состав. Оставил только меня.

Коллеги перестали со мной разговаривать. А сегодня Адамов хлопнул дверью... Нашел время впасть в депрессию. Депрессия – это стратегия выживания.
Цитата. *(Пауза.)* Хорошо, что я не пригласила гостей...

Ада меняет обувь и изображает «голливудскую актрису».

Назимова перевернула мне всю жизнь. Я так и не вышла из этой роли: продолжала двигаться как она, говорить как она, вот только не жила как она... *(Пауза.)* Пока я находилась на освещенной части, перед ширмой, я была Мадам Назимовой – актриса всегда поймет актрису, но только на сцене.

«У Мадам были густые темные волосы и лучистые искрящиеся фиолетовые глаза»... На-зи-мо-ва. Как в титрах. Без имени. Все ее обожали... Американцы, англичане... Пресса называла ее гигантом кино, сравнивала с Чаплиным... Они были близки с Чарли, пока ему не вздумалось, что она хочет увести от него жену. Об этом он заявил в суде. Блеф... Он сам не чаял от нее избавиться.

Актерские штучки. Кто из нас без греха?! Назимова была готова продать свою бессмертную душу, чтобы стать великой актрисой, но стала лишь безымянной девушкой в массовке Московского Художественного театра. Роль статистки была не для нее, и она бросила лучший в мире театр... Исколесила всю Россию, а затем уехала играть в Берлин и Лондон... Джером Джером написал о ней рекомендательное письмо американскому импресарию.

Мир четких правил... Понятно, кто, кого и почему рекомендует... Великие нации понимают друг друга с полуслова, мы, невеликие, занимаем свободные места. Артисту из маленькой страны не приходится на много рассчитывать. Адамов постоянно внушает: «Не капризничай! Если донимает тоска – задерни шторы, запри дверь на ключ и... позволь себе роскошь на полчаса предаться отчаянью...»

5.

На заднем экране за окном появляется образ утреннего Нью-Йорка, обозначенный лампами рекламы.

Здесь, в Америке, Адамов занимается спецэффектами для кино. (Ада принимает сложную гимнастическую позу Грэйс Джонс на фотографии Жана Поля Гуда.) А я его модель. Он надевает на меня разные датчики, я принимаю разные позы, которые он вводит в компьютер. Он стал спецом в своей области, но его интересует только это... Целыми днями пялится в монитор, уступив мне встречи с сантехником, бухгалтером и мусорщиком, которые я чередую «фитнесом» в супермаркетах. «Женщинам бальзаковского возраста это на пользу».

Телефонный звонок.

Алло, алло! Нет, Адамова нет дома...

Ада отивыривает телефон.

Жизнь не сводится к одному мужчине! Будь он хоть принцем на белом коне! Я все сносила, терпела, корежилась, но не ушла. Ушел он... Ушел сегодня, и одному Богу

известно, когда вернется. *(Пауза.)* Подавление собственной агрессии – слабость, которая рождает подлость. Это цитата! Он и тогда ушел... Не сказав ни слова. Не явился даже на премьеру – улетел в Лос-Анджелес. Снова я увидела его только через год, в театре, когда он пришел меня смотреть. Я к тому времени уже играла репертуар... Назимовой. *(Искренне.)* Неслучайные совпадения... Я верю в них, как каждый неверующий...

Ада берет длинные черные перчатки и медленно натягивает их, занимая позу Иветт Гильбер в исполнении Лотрека.

Я увидела его в театре спустя год, и мне стало дурно. В буквальном смысле... Верный знак, что пропадаю. Так бывает с надолго отложенными свиданиями. Отсрочка придает им особое значение.

Я очнулась в аэропорту Кеннеди. Короткая остановка в миграционной службе, два часа в машине... Домик на берегу океана. Коннектикут. Рай для адвокатов, врачей и страховых агентов... Слава Богу – всего два часа от Нью-Йорка. Это меня и спасло... Ада начинает ходить как бы по контуру простых геометрических фигур. Нью-Йорк тут же принимает тебя. Или отторгает. Рай для честолюбивого человека. Когда Назимова приехала на корабле, люди еще собирались вместе... огромными толпами... Парады, пикники, танцы, спектакли... Приезжали на трамвае даже из Коннектикута.... Старые трамвайные линии, заросшие сорняками... Из ниоткуда – в никуда.

Нью-Йорк тут же принимает тебя или отторгает. Уже на вокзале Гранд Централ чувствуешь его энергию. И становлюсь другой – начинаю ходить быстро, говорить громко, жестикулировать... Мой маршрут известен заранее: пешком до Таймс-Сквер -- в огромную очередь за билетами с половинной скидкой. Покупаю, что осталось. Вбегаю в театр. Вдыхаю в себя запах пыли и бутафории и... время останавливается! Здесь я и не пыталась играть. Даже в Коннектикуте. Хоть в самом никудышнем театрике. Не посмела... Назимова начала играть через шесть месяцев после первого урока английского языка. И Нью-Йорк пал к ее ногам. После Бродвея – Голливуд! А ведь она дебютировала в 37 лет! Немыслимый возраст для кинодебюта.

6.

Выключается свет, актриса вывозит ширму-экран на авансцену, и на нем тут же появляются кадры черно-белого фильма в стиле «Сансет-Бульвар» режиссера Билли Уальдера. Раздается вальс Рихарда Штрауса из оперы «Саломея». Актриса танцует с ширмой-экраном, изображение ни на миг не покидает экран.

«Я купила себе особняк на Сенсет-бульваре в Лос-Анджелесе и назвала его «Сады Аллы». Хоть некоторые называли его «Сады Аллаха» – ведь в английском конечном «ха» немое... Человеческая фантазия не всегда срабатывает в правильном направлении. Никто не видел в очертаниях моего бассейна мое Черное море, а я... Нет, нет, я отнюдь не склонна к чрезмерной ностальгии, и русские песни пою только для колорита. Мне достаточно скрипки. Она осталась с поры иллюзий, когда я еще была Мириам Эдес Аделаида Левентон».

Мечты сбываются, если они правильно сформулированы. Назимова мечтает стать звездой и становится ею. Мечтает о роли Саломеи... и в сорокадвухлетнем возрасте

играет четырнадцатилетнюю Саломею... А что делала я в сорок два? Не помню... Ничего не помню. Эффект зеркала. Сначала ты все забываешь, а затем мир создает тебя сызнова, но уже другой. «Существует одна истина, когда тебе двадцать два, и другая – когда тебе сорок два... А если женщина актриса, то сегодня ей двадцать два, а завтра может быть и все сто два...» Что я делала в сорок два – не помню. Знаю только, что это была «трудная жизнь». Цитата!

7.

На заднем экране за окном медленно возникает огромная луна.

Родился ребенок, и мои метания окончились. Я зажила в городке на берегу океана. Розовые и изумрудные дома... Синие птицы... Это не метафора. Я с наслаждением медленно вглядывалась в повседневные мелочи, в незаметные вещи, в разноцветные птичьи перья... Время еле тянулось, и я перестала его замечать. Я чувствовала себя законсервированной и безразличной ко всему. *(Пауза.)* Адамов называет эти мои состояния прободением прострации! Я останавливала машину на берегу океана и подолгу смотрела на горизонт. Вода притягивала меня к себе...

Звонит телефон.

Алло, Алло?! Нет, Адамова нет дома...

Он постучит в дверь. И скажет... Нет, ничего он не скажет. Войдет – и сразу же направится в кабинет. Все в порядке...

Снимает туфли и бросает их в кучу. Надевает другие туфли.

Нельзя терять форму. Нужно сосредоточиться. *(Начинает мимические упражнения).* А-а-а-а *(колоратурно)*... Нужно лишь сконцентрироваться в полной тишине, и все придет в норму. А-а-а-а *(колоратурно)*... Если мне не дано жить красиво, нужно хоть красиво выглядеть...

Принимает позу в стиле скульптуры Дега «Балерина».

Адамов называет меня по Ибсену «белкой» – говорит, это прозвище мне подходит, потому что моих способностей здесь хватает только на фотографирование белок на мобильник... А у меня получается снимать их крупным планом! Мне бы только были крупные планы... «Бэйби» до сих пор не может простить мне мое бесстрашие перед камерой – вот ее объектив не любит, но зато в театре роли идут косяком... Всегда в форме, хоть ночью ее разбуди – прочитает из Гете...

Достает бутылку, выдергивает пробку. Настоящая пробка! Адамов никогда не купит вино с пластмассовой пробкой.

Делает вид, что разбирается в вине... Наливает вино в бокал. «Кло Ману» – тонкое и дерзкое вино. Каждую лозу подрезают особым способом. Виноград перебирают дважды, ощипывая веточки вручную, затем давят ручным

прессом... Получается нюансированный букет – смесь каберне совиньон, мерло, пти вердо и каберне фран.

«Если уж ты решила податься в богему, – говорил папа, – вместо того, чтобы говорить «кушать подано», займись лучше дегустацией вин. Не зарывай талант в землю!».

Делает глоток вина.

Еще один бокал «Кло Ману», дорогая Мадам, и мы присоединимся к всеобщей иллюзии реальности... Сон и явь. Еще один бокал «Кло Ману»... Второй – он самый-самый. Ты уже не так нетерпелива, как с первым, и наслаждение разливается по каждой клеточке тела.

Отпивает из бокала.

Какой смысл ждать? Было бы зачем... Ждешь под дверью директорского кабинета, ждешь роли, ждешь настоящей жизни, ждешь Адамова. Он ведь даже не извиняется, когда задерживается. Я притворяюсь, что сплю. У меня нет сил на объяснения, в которых последнее слово всегда остается за ним. И на тошнотворные нотации: «Куда пропал твой талант?» Да никуда! Он при мне! Вот только роли теперь «кушать подано» или вообще без слов...

Адамов видел меня в настоящих ролях. Сколько раз я умирала и возрождалась для него! (*Пауза.*) Мужчина – простите, Адамов! – думает монологически. Он ведь как магнитофон с одной дорожкой. Нужна нешуточная изобретательность, чтобы привлечь его внимание. «Секреты Виктории» для него не секрет... – бокал «Кло Ману», самба, румба и ча-ча-ча куда эффективней... Как говорит Лида, если у мужика бурчит, ты его корми, а если у него стоит, ты его... Тьфу! Это же Лида!

Снимает очередную пару туфель. Выдергивает из общей кучи одну, покачивает ее на ладони. Надевает красную туфлю на руку. Роемся в куче обуви, находит вторую, тоже надевает.

Горы обуви... Просто не верится. У мамы была пара летних туфель, пара осенних и зимние сапожки... Как она берегла эту обувь! Отдавала в починку – сделать новые набойки, сменить каблучки... И была счастлива, когда придумали мягкие набойки на каблуки, и туфли больше не цокали... А жизнь моих туфель – как у бабочки-однодневки...

8.

На заднем экране возникает образ ярко освещенного театрального зала, снятого со сцены.

Туфли – это как твоя вторая кожа. Если удобные – кажется, что ноги ходят сами по себе...

Сбрасывает туфли с рук.

Старые актрисы... Ноги сами несут их в театр, пока их не вынесут вперед ногами. Вот она еле тащится по улице, но стоит ей подойти к театру – и спина сама собой выпрямляется, а нога движется от бедра.

На заднем экране как занавес на сцене театрального зала падает снег.

Однажды в дверь моей гримуборной кто-то постучал. Не глянув на меня, вошла старая актриса. Она положила на стол букет фиалок. То зеркало еще помнило ее. Она смотрелась в него в разных ролях тридцать лет... Ее дети уехали. Она умерла в одиночестве.

Занимает позу надгробного ангела. Резко поворачивается к публике.

Назимова не имела детей... Декадентка. С кем только она не жила – но вот детей не рожала. Берегла себя... для публики. А я сразу же родила... (*Обувает очередную пару туфель.*) Я начала жизнь с белого листа. Но волнами накатывала тоска по сцене...

Театр способен перенести тебя куда угодно. Я сама себя обманывала: еще один год, и начну все сначала. Ну еще один – и начну с чистого листа. Пустое! Кому я лгала? Вот и пускай теперь пыль в глаза! Борись с ночными кошмарами, бредь во сне спектаклями, перелистывай старые пьесы! Мужчина должен быть ступенькой вверх... По лестнице, которая ведет вниз. Цитата!

9.

На заднем экране появляется изображение оконного переплета, за которым идет снег.

Для Назимовой ступенькой к Европе и Америке стал Павел Орленев. Гениальный артист, импресарио и пьяница... Затем сама Мадам стала ступенькой для Рудольфо Альфонсо Рафаэлло Пьерри Филиберто Гульельми ди Валентино д'Антоньоллы, которого здесь зовут Рудольфо... Валентино.

Ада принимает позу «голливудской актрисы».

«В Санта-Монике чиновники «Метро» давали банкет в мою честь. Пока директор провозглашал тост, я заметила молодого мужчину, протискивавшегося в толпе у дансинга, – красивого, темноволосого... Когда он подошел к нашему столику, чтобы поприветствовать меня, я узнала в нем Рудольфо Валентино... Он стал моим принцем в «Даме с камелиями».

Изображает манерно Маргариту Готье в фильме «Дама с камелиями» режиссера Рэя Смолвуда.

«... Подай мне руку, милый. Во мне возрождается невиданная сила! Страдания отступают. Жизнь возвращается... Я чувствую... Я буду жить...»
И умирает. Бедная Маргарита. Бедный Рудольфо... Он лежал в гробу красного дерева с серебряными инкрустациями красивый, как бог. Рядом стоял присланный Муссолини

почетный караул. В воздухе витал аромат чувственности и смерти. С неба сыпались лепестки роз. Бедный Рудольфо!.. Бедная Назимова. Бедная Я.

Ада начинает собирать туфли в кучу.

Все началось на Театральной улице. Я решила стать актрисой, когда мне попало объявление о наборе в летнюю театральную студию. Пришла на прослушивание, и меня приняли. Адамов появился на первой репетиции. С тех пор я обращаюсь к нему по фамилии... Ему сразу же понравился мой голос, его напевная манерность. «Такая взлетающая в конце каждого предложения интонация. Она заставляет собеседника с нетерпением ждать продолжения...» Затем мой голос стал его раздражать. Он внушил себе, что меня ничего не трогает. Это его ранит... Его ранит все, когда не может ранить он сам. «Мы – пчелы, тонущие в банке с вареньем...» В Коннектикуте... Черт побери, из меня уже лезут его цитаты!

На меня смотрит чужое лицо с остекленевшим взглядом... Чужие образы, чужие слова, подчеркнутые в копиях пьес, вытесняют мои мысли. Я разучилась говорить своими словами. Может когда-то и умела, но потеряла вместе с другими не востребуемыми рефлексамии... Шестой палец Ирины. О какой Ирине идет речь?! «Что ему Гекуба?» И что – истина? Чья истина? Бывшей актрисы? А бывают ли актрисы бывшими? Вот в чем вопрос!

Когда Адамов стал пить? Вот в чем вопрос! Я не помню... Он напивается редко, но метко. С каждой рюмкой говорит все громче, и лупит по столу кулаком... И то у меня не так, и другое... С каждым стаканом различие между Адамовым пьяным и Адамовым трезвым...

Чаплин давно все это сыграл... Но кто помнит?

Чувство, что тебя обманули, что ты неудачник, надежда – все это лишь в нашей голове... У страхов мало общего с реальностью. Цитата!

Ада начинает играть условный диалог Ады с Мадам Назимовой.

А.: Мадам, Мадам! Что есть смерть?

М.: Смерть нужно заслужить...

А.: Мадам, Мадам! Что есть смерть?

М.: Свободный человек не думает о смерти. Страх смерти – это страх жизни.

Самой красивой она была в «Даме с камелиями»... Самой жестокой она была в «Саломее»...

Ада поворачивается лицом к публике.

Сириец любит Саломею, Ирод любит Саломею, а Саломея любит Иоканаана... «Танцуй, Саломея, танцуй, и я исполню любое твое желание!». «Хочу голову Иоканаана на серебряном блюде». Танец семи покрывал... Тайна любви выше, чем тайна смерти. У любви Саломеи вкус крови. «Убейте эту женщину!» – приказывает Ирод, и солдаты набрасываются на нее. Нет, не так... Ирод не приказывает убить Саломею... Она возвращается в свои покои, опускается на ложе, и тогда золотая змея с рубиновыми глазами оживает и кольцом сжимается вокруг ее шеи... И голова Саломеи падает рядом с головой Иоканаана... «Смерть прекрасна. Она может успокоить любую страсть».

Ада ударяет в поднос кулаком, звук удара переходит в телефонный звонок.

Алло! Алло?! Нет, Адамова дома нет... (Сама себе.) Не скажешь ведь: «Он здесь больше не живет!» Слова, произнесенные вслух, формируют реальность...

Резко меняет тон.

Ничего не случилось! Все, хватит, я ложусь спать. Завтра проснусь, встану, пойду на берег океана и буду сидеть неподвижно, а солнечные лучи будут пронзать меня насквозь. Вверх-вниз, вверх-вниз, пока дни не растворятся, и не останется только движение – от новолуния к полнолунию, от новолуния к полнолунию...

10.

Звук телефонного звонка заставляет ее вздрогнуть.

Лида! Это ты!? Да, я одна. Его нет. Не знаю. Пришел усталый, мы выпили по бокалу вина, и он пошел в свой кабинет. Потом сказал, что уходит. Завел машину. Я выскочила за ним вслед, но он уехал... Теперь жду...

Пауза.

Ты меня слышишь? Что ты сказала? Ложишься спать? Когда тебе завтра в больницу?.. Хочешь, я пойду с тобой? Самое страшное позади. Ты – герой! Это уже давно лечат, я тебе сто раз говорила. Ладно, пока, иди спать!

Кладет трубку. Продолжает собирать туфли.

Хорошо, что Лида звонит мне каждые 20 минут – создает иллюзию, что друзья меня не забыли... Лида – мой самый большой сюрприз в Америке. Я пригласила ее в гости, а она забыла вернуться домой... Сначала жила у нас, а потом – в доме у стариков, за которыми присматривала...

Воспоминания прерывают ее возню с туфлями.

В школьные годы она забегала ко мне домой каждый день. Устроится на диване и листает журналы... «Ада, дай мне на день пластинку «Хей, Джуд!»... Ада, можно я у тебя останусь?» Она мечтала стать актрисой. Дочь гардеробщицы. Мы вместе тряслись от страха перед экзаменами. Меня приняли, а Лида провалилась. Не поступила она и на второй год, а затем вообще отказалась..., но на каждой моей премьере Лида – первая в очереди, с непременным букетом... (Пауза.) Черт! Откуда эта болезнь свалилась на ее голову? Она, конечно, излечима, хотя... Назимова прожила годы после такой операции. И умерла от тромбоза... 13-го июля, в день рождения папы. (Пауза.) Под конец он постоянно плакал... Сидит за столом – и утирает слезы. Мать пыталась его приструнить: ты устал, лежи, тебе нужен покой. (Пауза.) Вот он и покоится – уже девять лет. (Пауза.) Не могу привыкнуть к тишине. Она стягивает меня удавкой, как золотая змея шею Саломеи.

11.

На заднем экране возникает образ Ады, исполненный в стиле поп арта.

В прошлом году, тоже в мой день рождения, я решила сделать ему сюрприз. Налила в два бокала шампанское и принесла в постель, но не смогла его разбудить. Он даже глаз не раскрыл. Только буркнул что-то во сне и перевернулся на другой бок. *(Пауза.)* Днем он молчит, а во сне – разговаривает. И потом донимает меня: «Что я говорил прошлой ночью?» А я в отместку несу все, что придет в голову. Но в тот раз я разозлилась и решила разбудить его любой ценой. Схватила за плечи и стала трясти, но он так и не проснулся. Я выпила оба бокала шампанского и уснула.

Сон... Я – балерина. В пачке и на пуантах. В танце проскальзываю мимо большого каменного дома с атлантами, держащими балкон. Один из них не сводит с меня глаз – раздается шум, он сбрасывает с себя тяжесть, вырывает ноги из постамента..., делает мне знак подняться к нему; я взлетаю по его гранитным ногам, по бедру, по руке и оказываюсь у него на плече. И начинаю танцевать, как балерина в музыкальной шкатулке, а он шагает со мной на плече по городу... Звучит волшебная мелодия, но я не хочу ее запоминать, потому что боюсь, что тогда мой сон больше не повторится... Сны забываются, «стоит лишь войти в ближайшую дверь».

Ада подходит к лампе, резко направляет ее свет себе в лицо и читает... На заднем экране возникает ее лицо:

«Не пылит дорога, Не дрожат листья... Подожди немного, Отдохнешь и ты.»

12.

Ада вывозит на авансцену ширму-экран, на котором появляется образ Назимовой. Ада смотрит на нее, отталкивает ширму на край сцены и резко обращается непосредственно к публике:

Вы думаете, я несчастна? Почему? Потому что в день моего рождения моего мужа нет дома? Нет, я не несчастна. Каждая женщина ищет своего Мужчину с большой буквы, но что тут общего со счастьем?! *(Пауза.)* Никто не обещал мне счастья... Счастье! Нейтральное слово. Оно ничего не значит... И слова стареют и умирают, как люди, просто ис-че-за-ют. Из ста остается одно...

Звучит скрипка.

В ночь накануне отъезда в Америку я осталась в театре одна. Прошла мимо декораций, коснулась каждой складочки ... и ушла только когда услышала шаги пожарного.

Порой мне снится сон... Я актриса! Хочу войти в театр через служебный вход, но мой пропуск не срабатывает. Охранник смотрит на меня пустым взглядом. Я спрашиваю: «Эй, ты что, не узнаешь меня? Не видишь, что я опаздываю на спектакль? Да помоги же мне войти, дубина! – Он стоит как вкопанный, смотрит на меня, не мигая. – Открой дверь! Мадам идет!» – и просыпаюсь от собственного крика...

Артист – существо из глины, ему можно придать любую форму... Я ни молода, ни стара, ни высока, ни мала, ни умна, ни глупа – я такова, какова моя роль... Я Актриса!

Пауза

13.

Звучит скрипка. На ширму-экран проецируется старая кинохроника, в которую цифровым способом вмонтирован образ Ады.

Алле-оп! Жизнь – это серия диапозитивов. На улицах – разгром, митинги, народ бунтует у стен парламента, а я стою лицом к толпе с леденцом на палочке. Революция прекрасно развилась и без моего участия. Любовь защищала меня от страха низвергнутых и от реваншизма победителей.

Алле-оп! Алле-оп! Боже! Его больше нет! Здесь, вдалеке, я избавлена и от похорон, и от свадеб... *(Пауза.)* Мне пришлось несладко, особенно первые месяцы. Черт бы все это побрал! Я постоянно звонила Лиде. Не слишком понимала, что у нас там творится, и безостановочно говорила о себе... Она который год без мужика, а я ей – Адамов такой, Адамов сякой. Ей месяцами нечем платить за квартиру, а я... Обвал 90-го года повторился в 92-ом, а затем – в 97-м... и Лида просто рухнула... У нее последние сбережения растаяли, а я знай свое: «Пока мы разговариваем, со мной все в порядке, но стоит положить трубку, и я теряю самообладание, и даже океан не утешает». Она терпит, терпит, пока не услышит слово «океан». Затем надолго замолкает, лишь сопит в трубку. Она всегда мечтала жить в домике на берегу океана. Странная мечта для человека, родившегося в панельном доме в спальном районе.

14.

На заднем экране возникает образ Назимовой в роли Саломеи.

Зачем я дала Лиде томик Уайльда с «Саломеей»? Мне его подарил Адамов. Она взяла – и забыла его вернуть... Как ту пластинку. Взяла – и забыла вернуть... *(Пауза.)* Лида приехала сюда и забыла вернуться домой. Да и зачем ей было возвращаться? К кому? *(Пауза.)* И мне теперь не к кому и некуда. Дом продан вместе с цистерной... Осталась лишь папина могила... На придорожном склоне... Рядом с могилами бабушки и деда. При жизни они не разговаривали друг с другом, а сейчас покоятся рядом. Что же это за жанр? Трагедия? Комедия? Кто теперь помнит о чистых жанрах! Жизнь напоминает нам о них, но мы лишь отмахиваемся и засыпаем.

Мечты осуществляются, если они четко сформулированы. Назимова мечтает стать звездой – и становится. Мечтает о роли Саломеи... и играет ее... Кто есть Саломея? Жертва? Средство мести? Или страстно влюбленная женщина? Жизнь срывает покрывала, одно за другим, и ответ всегда иной... «Убейте эту женщину!» Почему? Зачем убивать Саломею? По приказу Ирода. За что? Из-за Иоканаана? Почему? Ему отрубили голову по приказу Ирода. По приказу Ирода убивают и Саломею. За что? Так жестоко наказать желание обезумевшего ребенка, в мгновение ставшего женщиной? Зачем?

Одни засыпают, чтобы забыть, другие – чтобы вспомнить. Истину. Истина не ведома никому... Да и кому она нужна?.. Истина разъедает легенду подобно кислоте. А

ведь это легенда держит спину прямо... После «Саломеи» Мадам теряет все, но выигрывает новую роль, которая возвращает ее на Бродвей. «Эта роль вернула мне жизнь и счастье!»

Счастье! Никто не обещал мне счастья... Сколько у этого слова нюансов: роль, написанная специально для Вас Юджином О'Нилом – вот это счастье, Мадам!

15.

Раздается сильный стук в дверь. Ада возвращается, держа в руках письмо от Адамова. Читает его глазами, затем подходит к лампе, и ее лицо возникает на заднем экране.

«Ада, мне легче написать, чем поговорить с тобой... Иначе ты снова меня прервешь, и я ничего не смогу тебе сказать. Тебя раздражает моя логика, ты не можешь в нее вникнуть и автоматически перестаешь меня слушать. Теперь тебе придется сделать исключение. Мы должны быть предельно внимательны, но я не то хотел сказать... Я хотел сказать, что больше так не могу.

Да, какой-никакой талант у меня есть, но не такой уж великий, как я думал. Увы! Там, дома, я легко принимал решения, но, здесь все оказалось иным – другое кино! Бессонные ночи, страх. Помнишь, как мы разыскивали особняк Назимовой, а нашли на его месте огромный супермаркет? Этот сон преследует меня каждую ночь уже целый год. Я захожу туда и не могу выбраться. Мечусь до рассвета и просыпаюсь разбитым, но я хотел не об этом.

Когда Лида позвонила и сказала, какой у нее диагноз, я понял, что больше откладывать нельзя. Я нужен ей. Я – барьер между ней и болезнью, или это она для меня барьер?! Я ухожу, пока у меня еще есть на это силы. Не ищи виновных. Никто не виноват. Просто так случилось. Долгие прощания ни к чему. Следовательно, до свидания».

16.

Ада долго не произносит ни слова. Гасит лампу. Свет исчезает. В темноте третий экран опускается в плоскости зеркала сцены и перекрывает собой глубину сцены. На экране возникает абсолютно пустая ослепительно белая комната.

Абсурд... Как это отвратительно. У меня в руках письмо от человека, которого я больше не увижу... Трус... Письмо он мне написал!.. Все сговорились против меня! Скатертью дорога. Обнимайтесь себе на здоровье! Отвратительно! Звонят мне с разных телефонов, а сидят рядом...

Хорошо бы заплакать... Не могу... Разучилась... Чтобы поплакать, смотрю старые фильмы – курю и плачу.

Как холодно. Не понимаю... Когда это началось?.. Он мне что-то говорил, но я его не слушала... Смотрела, как шевелятся его губы... Стоило ему заговорить, я просто мысленно нажимала на кнопку, и меня окутывало что-то ватное, как покрывало...

Пауза.

Трагедия жизни не в том, что она быстро кончается, а в том, что кончается, не завершившись...

«Холод – это лишь отсутствие тепла, тишина – лишь отсутствие шума, темнота – лишь отсутствие света, зло – лишь отсутствие любви».

Глупая негармоничная жизнь... Удача от меня отвернулась. «Саломея» провалилась... «Чудовищный шедевр»...

Белый свет сползает с экрана, как будто потолок белой комнаты прижимает голову Ады, которая освещается в узком прямоугольном луче белого света.

«Я поцеловала твои уста, Иоканаан, я поцеловала твои уста. На твоих губах был горький вкус. Это был вкус крови?.. Но, может быть, это был вкус любви... Говорят, у любви горький вкус... Что с того? Что с того? Я поцеловала твои уста, Иоканаан»... «Убейте эту женщину!» За что? За что убивают Саломею? «Убейте эту женщину!» Нет, постойте!.. Остановитесь... Я не могу больше! Не бейте... *(говорит все глуше)* Я сама, сама...

17.

Наступает полная темнота. На черном экране возникает анимированная фигура Чарли Чаплина. Под музыку Чарли Чаплина из фильма «Новые времена», фигура приближается к Аде, касается ее тросточкой, и ее виртуальный двойник возникает на экране. Она уходит вдаль. Чарли Чаплин поворачивается и догоняет женскую фигуру. Вместе они уходят вдаль. Вслед за этим на черном экране появляются титры: «Убейте эту женщину!», имя актрисы, исполняющей роль Ады, имена драматурга, режиссера, видеографа, композитора, работников сцены, другие имена и название театра.

Все завершает слово: КОНЕЦ

Авторизованный перевод с болгарского Валентины Ярмилко 2009
Право на использование перевода принадлежит автору

Примечания:

1. В качестве прямых или косвенных цитат использованы фрагменты произведений, афоризмов и дневниковых записей Аллы Назимовой, Альберта Эйнштейна, Антона Чехова, Бэл Кауфман, Вирджинии Вульф, Генрика Ибсена, Гете (в переводе Лермонтова), Гэвина Ламберта, Луиджи Пиранделло, Маргарит Юрсенар, Мирча Элиаде, Оскара Уайльда (в переводе П. Петрова), Уильяма Шекспира, Фридриха Ницше, Элиаса Канетти.

2. ONE WAY THEATER, Boston
УБИЙТЕ ТАЗИ ЖЕНА!

Премьера на болгарском языке Бостон 25 октября 2009

Текст и постановка – Майя Праматарова
Моноспектакль Светланы Атанасовой в роли Женщины (Ады)
Мультимедийная среда – Владимир Гусев
Костюмы, шапки и аксессуары – Светлана Атанасова
Драматург – Роза Радичкова

onewaytheater.us

Музыка – Георги Арнаудов, Евгения-Мария Попова, Христо Христов
Свет – Эрон Браун